

УДК: 811.512.157 + 81'373.571
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-31-42

Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)

Р. Н. Анисимов

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия*

Аннотация

Впервые в якутской фразеологии в сравнительном аспекте с тюркскими языками Южной Сибири (алтайский, тувинский, хакасский) рассматривается фразеологическая номинация детского, молодого, зрелого и пожилого возраста, жизненного опыта с целью установления общего и специфичного в рассматриваемых языках, а также выявления истоков происхождения опорных лексем-компонентов, входящих в состав якутских фразеологизмов. Привлекается языковой материал из турецкого и казахского языков, древнетюркских письменных памятников для увеличения вероятности обнаружения как лингвистических, так и экстралингвистических общих и специфичных тенденций. Тюркские фразеологизмы рассматриваются в плане «якутский язык – древнетюркский, турецкий, казахский, тюркские языки Южной Сибири».

Ключевые слова

фразеологическая единица, фразеологизм, устойчивое сочетание слова, фразеологические параллели, этимология, слово-компонент, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы, эпический текст

Для цитирования

Анисимов Р. Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 31–42. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-31-42

Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (Comparison with the Turkic Languages of South Siberia)

R. N. Anisimov

*Ammosov North-East Federal University
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

In the following article, the phraseological nomination of childhood, juvenile age, manhood and elderly age, life experience are considered in a comparative aspect with the Turkic languages of Southern Siberia (Altaic, Tuvan, Khakass) for

© Р. Н. Анисимов, 2018

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

the first time in the Yakut phraseology, with the purpose of establishing common and specific traits of these languages, as well as identifying the sources of origin of the basic lexeme components that make up the Yakut phraseological units. The author also employs language material from Turkish and Kazakh languages, ancient Turkic written monuments to increase the probability of finding both linguistic and extralinguistic general and specific trends. Turkic phraseological units are considered in terms of “Yakut language – ancient Turkic, Turkish, Kazakh, Turkic languages of Southern Siberia”.

The comparative-historical method and component analysis made it possible to establish as a whole a national-specific phraseological nomination of age and experience in the Yakut language that do not have parallels in related Turkic languages, which in turn confirms the thesis that the formation of these phraseological units has proceeded in the process its development in conditions of non-contact with the last. At the same time, some common ancient Turkic – Yakut, Yakut – Altai-Khakass, Yakut – Tuvanian – Khakass, Yakut – Tuvan, Yakut – Khakass, Yakut – Kazakh phraseological parallels were revealed, which undoubtedly testify that the phraseological system of Turkic languages has common ancient roots. It has also been established that the reference words-components that make up the Yakut phraseological units that nominate the age and experience of a person are predominantly of Turkic origin, and the presence of a certain number of Mongolisms and parallels in the Tungus-Manchurian languages indicates that these lexemes in the Yakut language have arisen because of mutual contacts and interaction.

Prospects for the study are seen in the further development of the theoretical basis and methodology of phraseological comparativistics of Turkic languages.

Keywords

phraseological unit, phraseologism, set phrase, phraseological parallels, component words, qualitative-evaluative characteristic of face, appraisive phraseologism, epic text

For citation

Anisimov R. N. Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (Comparison with the Turkic Languages of South Siberia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 31–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-31-42

Сравнительное изучение определенных фразеологических групп родственных тюркских языков ведет к установлению исторической языковой общности, которая находит отражение не только в структурной и семантической, но и в материально-культурной близости сопоставляемых объектов исследования. В якутском языке и тюркских языках Южной Сибири фразеологическая группа «номинация возраста и жизненного опыта человека» в рамках фразеологического поля «качественно-оценочная характеристика человека» ещё не становилась объектом сравнительного изучения. Вместе с тем изучение данной фразеологической группы может расширить границы определения общего пратюркского языка на уровне фразеологической системы тюркских языков.

У древних тюрков Центральной Азии возраст человека отсчитывался с появлением молодой зелени, что полностью соотносилось с основной экономической деятельностью народа, занимавшегося овцеводством [Базен, 1986. С. 363]. У самых северных тюрков Сибири, скотоводческих и оленных якутов, номинация возраста и опыта человека обладает своеобразными чертами. В соответствии с распространенной в тюркологии гипотезе, якутская ветвь (включающая якутский и долганский языки) откололась от основного ствола тюркских языков уже на рубеже нашей эры, т. е. в те времена, когда северные хунны ушли в Притяньшань и Южный Алтай. После миграции тюркоязычных предков якутов в районы верхнего и среднего течения р. Лены наступил период изоляции, и якутский язык практически не подвергался общетюркскому воздействию [СИГТЯ, 2002. С. 661]. Поэтому в якутском языке сохранились те древние элементы и компоненты на уровне устойчивой фразеологической системы языка, которые могли быть присущи пратюркскому и древнетюркским языкам. Как известно, в отличие от лексических единиц, фразеологические единицы (далее – ФЕ)

менее подвержены влиянию внешних факторов. Оставаясь неизменными, они сохраняют национальный характер и отражают характерные признаки исторической эпохи, в которой они возникли.

Вместе с тем в качестве наиболее близких якутскому языку в ареально-генетическом отношении рассматриваются алтайский, тувинский и хакасский языки. Исходя из представления, что продуктивным в изучении фразеологической системы языка является ареальный аспект, так как «фразеологизмы как образные единицы вторичного образования значительно легко могут заимствоваться контактирующими языками, чем лексемы прямой номинации, словообразовательные и грамматические элементы и категории» [Добровольский, 1990. С. 20], целью данной статьи является установление общего и специфичного в фразеологической номинации детского, молодого, зрелого и пожилого возраста, жизненного опыта в якутском и тюркских языках Южной Сибири (алтайский, тувинский, хакасский), а также выявление истоков происхождения опорных лексем-компонентов, входящих в состав якутских фразеологизмов.

В якутском языке представлен пласт огузских и кыпчакских компонентов, который не обнаруживается в тюркских языках Южной Сибири, хотя в территориальном отношении они расположены ближе всех к территории распространения якутского языка. Это наводит на мысль о неоднородности лексического состава якутского языка и о наличии древних кыпчакско-якутских, огузо-якутских контактов. Поэтому в статье использованы также лексикографические источники по турецкому языку, относящемуся к огузской группе, и казахскому языку, представляющему кыпчакскую группу языков, так как «чем шире круг привлекаемых языков, тем больше шансов на выявление как лингвистических, так и экстралингвистических тенденций» [Ройзензон, 1967. С. 112].

Выявление истоков происхождения (тюркского, монгольского, тунгусо-маньчжурского) опорных лексем-компонентов, входящих в состав якутских фразеологизмов, необходимо для того, чтобы иметь возможность понять природу возникновения фразеологических параллелей в родственных тюркских языках.

Обнаруживаются следующие случаи общих и специфичных явлений во фразеологической номинации возраста и жизненного опыта человека в рассматриваемых нами родственных тюркских языках северо-восточной группы.

В тюркских языках для характеристики детского возраста широко используется зооморфная лексика. Так, хищные млекопитающие *börü* ‘волк’, *tilkü* ‘лиса’ метафоризируются в значении ‘сын’ и ‘дочь’: крх.-уйг. *tilkümü toğdu azu bürümü* ‘лиса родилась или волк?’ в знач. «дочь или сын» [ДТС, 1969. С. 118]. Фразеологическая номинация ‘волк’ в значении ‘сын’ встречается и в якутском языке: *бөрөм бөтөһө* (букв.: мой волчий удалец) [Нелунов, 2002. С. 139]. Якутское слово *бөтөс* восходит к др.-тюрк. *бедү* ‘увеличиваться’ + *-с* (аффикс результата действия) = **бедүс > *бөдүс > *бөдөс > бөтөс* [Попов, 2003. С. 152]. Словом *бөтөс* ‘удалец, смельчак’ обычно называют «подростка или молодого человека, основываясь на особенностях его характера, из основных качеств которых подчеркиваются смелость, бойкость субъекта» [Лиханов, 1994. С. 44].

Также в якутском языке при назывании любимого сына в составе ФЕ используются орнитомические компоненты *кыырт* ‘ястреб’, *мохсоһол* ‘сокол’: *ыытар кыырдым, тэбэр мохсоһолум* (букв.: пускаемый мой ястреб, бьющий мой сокол) [Кулаковский, 1979. С. 137]. Семантика данного устойчивого сочетания свидетельствует о наличии соколиной охоты у древних якутов. Якутский *кыырт* ‘ястреб’ восходит к общетюркскому **ka:rt-y-* [СИГТЯ, 2006. С. 169]. Этимология орнитонима *мохсоһол* ‘сокол’ не выяснена, прямых соответствий в тюркских языках не установлено.

Новорожденного мальчика предки якутов эфемистически называли *хабдыы сэһнэбэ* (букв.: обедки куропатки) [Нелунов, 2002. С. 319]. Якутская лексема *хабдыы* 'куропатка' сравнивается с эвенк. *кобев*, нен. *хонде* 'э куропатка' [БТСЯЯ, 2016. С. 160].

Устанавливается параллель в семантике устойчивой номинации младенца в якутском и хакасском языках: якут. *кыһыл оҕо* (букв.: красный ребенок); хак. *падас* (букв.: краснотелый) [Габышева, 2009. С. 41]. Якутская лексема *оҕо* 'дитя, ребенок' имеет прямую лексическую параллель с тюрк. *чаба* 'маленький мальчик, ребенок, дитя' [Пекарский, 1958. Стб. 1779], также с монг. *өкин* и с халх. *охин* 'дочь, девочка, ребёнок' [БТСЯЯ, 2010. С. 204]. Вместе с тем в современных тюркских языках наиболее распространенной формой обозначения понятия 'дитя, ребенок' являются лексемы **bala* и **bebe* [СИГТЯ, 2001. С. 307], которые по фоноструктурному признаку не имеют лексической параллели в якутском языке.

В хакасской лингвокультуре новорожденного ребёнка обозначают фразеологизмом *час ымай* (букв.: слеза-ымай). Слово *ымай* в хакасском языке обозначает душу (или жизненную силу) грудного ребёнка: «считалось, что вместе с рождением младенца появляется его *ымай*» [Бутанаев, 1984. С. 93]. Детская жизненная сила *ымай* у хакасов тесно связана с культом богини *Ымай / Умай*, с древним культом тюрков, сложившимся, видимо, «у кочевников задолго до того времени, каким он датируется руническими памятниками» [Потапов, 1972. С. 273]. Однако, по предположению Н. А. Алексеева, древнетюркский культ богини *Умай / Ымай* является поздней трансформацией (VI–VIII вв.) культа богинь матерей Аи, существовавших у саков Алтая и Средней Азии [Алексеев, 1980. С. 163]. В якутском языке *Ымай / Умай* имеет одно значение «матка, женская утроба» [Пекарский, 1958. Стб. 3790], оно не получило дальнейшей мифологизации и в значении «божество» в якутском пантеоне богов не обнаруживается.

В якутской лингвокультуре с предметом *кыптыый* 'ножницы' соотносится характеристика новорожденной девочки: *кыптыый кырадаһына* (букв.: лоскуток-откройка от ножниц) [Нелунов, 2002. С. 273]. В языковой картине мира якутов ножницы являются знаком девочки, «с рождения родители называли так своих детей, прививали при этом род занятия: девочка станет рукодельницей, хозяйкой домашнего очага и заботливой матерью» [Готовцева, 2006. С. 263]. Якутский *кыптыый* имеет прямую параллель с др.-тюрк. *кыпты*, *кыпту* 'ножницы' [БТСЯЯ, 2008. С. 287].

В якутском и хакасском языках обнаруживается общая фразеологическая номинация шустро, непослушного ребёнка, гиперактивность которого, видимо, связана с избытком «жизненной энергии» [Габышева, 2003. С. 28]: як. *төбөтүнэн харахтаах* (букв.: с глазами на темя) [Кулаковский, 1979. С. 180]; як. *оройунан көрбүт* (букв.: смотрит через свое темя) [БТСЯЯ, 2010. С. 328]; хак. *мичір хулах* (букв.: упрямое ухо) [ХРС, 2006. С. 248]. Из приведенных якутских компонентов, входящих в состав ФЕ, интерес вызывает соматизм *орой* 'темя, макушка', в связи с тем, что данная лексема находит прямую параллель с тем же значением как в монгольских [Пекарский, 1958. Стб. 1868; БТСЯЯ, 2010. С. 329], так и в тюркских языках: *орай ~ урай ~ орой*. По предположению тюркологов, данная лексема заимствована из монгольских языков [Татаринцев, 2008. С. 324], в то время как соматические компоненты, входящие в состав якутских ФЕ, как ранее нами выявлено, в подавляющем большинстве имеют исконно тюркское происхождение [Анисимов, 2013. С. 18].

В хакасском, тувинском, тофаларском языках обнаруживается эквивалентная параллель при фразеологическом обозначении грудного ребёнка, которая в якутской фразеологии аналогу не находит: хак. *палтыр пизик пала* // тув. *балдыр бээжик* // тоф. *балтыр бежик уруг*, в котором компонент *палтыр пизик* (букв.: колыбель голенных икр) «происходит якобы от грудно-

го возраста ребёнка, когда у него еще не окрепли икры ножек для хождения» [Бутанаев, 1984. С. 93].

В якутском языке при фразеологической номинации молодого и зрелого возраста основным ядрообразующим компонентом выступают различные зоонимы. Так, в якутской лингвокультуре с образом жеребёнка ассоциируется молодой и цветущий возраст человека: *уол оьо, ат кулун* (букв.: парень-жеребёнок) [Нелунов, 2002. С. 262].

В этнокультурной картине мира якутов энергичного молодого человека, лучшего среди своих сверстников, сравнивают с соболем-одиноком: *уол оьо одьунааһа* (букв.: молодец, как соболю одионец) [Нелунов, 2002. С. 262]. Слово *одьунаас* ‘соболю-одионец’ является заимствованием, восходящим к русскому существительному *одионец*, проникшему в дореволюционное время из русского языка со значением ‘соболю самого высшего разбора’. Именно признак ‘лучший, первый’ является основным при характеристике лица: «Этим словом называют человека, который в каком-то деле, ситуации, обстоятельстве показывает себя с лучшей стороны» [Лиханов, 1994. С. 45].

Сравнения с ценной пушниной, соболем удостаивалась и лучшая девушка среди своих сверстниц, о чем свидетельствует ФЕ с этнокультурной маркированностью: *кыыс оьо кылааннааба* (букв.: красавица, как соболю) [Нелунов, 2002. С. 279].

В тюркских языках широко характеризуется период взросления, возмужания, достижения физической зрелости человека. При этом активность в фразеобразовании демонстрируют соматические компоненты *эт ~ эът* ‘тело’ в якутском, тувинском языках, *кан* ‘кровь’ в хакасском, *хол ~ кол* ‘руки’ в якутском, алтайском, хакасском языках, *бут* ‘ноги’ в алтайском, тувинском языках: як. *эт туттут* (букв.: тело держать) [Нелунов, 2002. С. 411]; тув. *эът туттун* (букв.: тело строится) [ТРС, 2008. С. 449]; як. *холун этэ хойдубут* (букв.: созрела плоть рук) [Нелунов, 2002. С. 359]; алт. *колга-бутка турган* (букв.: встал на руку-ногу) [Чумакаев, 2005. С. 137]; хак. *холы тыгыгалах* (букв.: руки его еще не окрепли); тув. *буду эзеңгиге чет* (букв.: нога его стремилась достичь).

В якутской фразеологии представлен синонимичный соматический ряд, характеризующий период взросления и возмужания человека, который в тюркских языках Южной Сибири по набору компонентов не находит аналогий.

Так, в состав якутских ФЕ входят слова-компоненты *борбуй* ‘подколенки’, *унуох* ‘кости’, *ингиир* ‘сухожилия’, *буут* ‘ляжки’, *сис* ‘поясница’: *борбуйа сонуур* (букв.: полнеют подколенки) [ТСЯЯ, 2005. С. 388]; *борбуйун көтөхпүт* (букв.: поднявший подколенки) [Нелунов, 2002. С. 138], *унуоҕа кытаатта* (букв.: окрепли кости) [Нелунов, 2002. С. 258], *ингиирэ кытааныт* (букв.: окрепли сухожилия) [Нелунов, 2002. С. 204], *буутун этэ бустут* (букв.: созрела плоть ляжек) [Нелунов, 2002. С. 147], *сигин этэ сиппит* (букв.: созрела плоть поясницы) [БТСЯЯ, 2011. С. 452]. Семантика приведенных фразеологизмов указывает на процесс постепенного физиологического и психического роста человека [Брагина, 2005. С. 53].

Из приведенных якутских соматизмов в семантическом плане интерес вызывают лексемы *борбуй* ‘подколенки’ и *сис* ‘поясница’. Так, соматизм *борбуй* ‘подколенки’ имеет прямую лексическую параллель с каз. *борбай, борнай* ‘пах, ляжка’ [ТСЯЯ, 2005. С. 387], который можно считать кыпчакским компонентом в якутском лексическом фонде. Соматизм *сис* в современном якутском языке имеет первичное значение ‘поясница; позвоночник’, вторичное значение – ‘возвышенное место (обычно лесистое) между двумя водоёмами; широкий лесной массив’, который имеет прямую параллель с др.-тюрк. *йыш* ‘горы, покрытые лесом, чернь’ [Пекарский, 1958. стб. 2248], др.-тюрк. *йыш* ‘нагорье с долинами, удобными для поселения’ [БТСЯЯ, 2011. С. 453]. В целом во многих культурах мира части тела человека отождествляются с природным ландшафтом, видимо, из-за того, что человек начал постигать окружающий мир с познания

самого себя. Вместе с тем кыпчакский компонент *борбуй* ‘подколенки’ и древнетюркский компонент *сис* ‘поясница’ демонстрируют в якутском языке низкую фразеобразовательную активность, в отличие от других перечисленных соматизмов.

Из сопоставляемых родственных языков при фразеологизации периода взросления и возмужания человека специфичную номинацию выдают алтайский и казахский языки. Так, в алтайском языке в составе ФЕ используется соматизм *кемирчек* ‘хрящ’: *кемирчеги кадын кал* (букв.: хрящи его затвердеть). В казахской фразеологии используются соматизмы *буын* ‘сустав’, *бұғана* ‘ключица’: *буыны беку* (букв.: окрепнуть, затвердеть суставам) [КРФС, 1988. С. 55], *бұғанасы қату* (букв.: окрепнуть ребрами у ключицы) [КРФС, 1988. С. 55].

В молодом возрасте человек оценивается как неопытный, недостаточно окрепший физически и духовно. Данная характеристика в рассматриваемых тюркских языках передается через ассоциативный образ рта / губ, у которого еще молоко / молозиво не высохло / не очистилось: як. *уоһа уоһахтаах* (букв.: с молозивом на губах) [Нелунов, 2002. С. 265]; тув. *аксында суду кеппээн* (букв.: во рту его молоко его еще не высохло); алт. *оос сүдү араалах* (букв.: рот молоко-его еще не очистилось); хак. *аас сүдү араалах* (букв.: рот молоко не очистилось) [Боргоякова, 1996. С. 12]. В турецком фразеобразовании данная номинация выражается через образ рта с запахом молока, в казахском через образ рта с сычужиной: тур. *ağzını süt kokan* (букв.: его рот молоком пахнущий) [БТРС, 2006. С. 31]; каз. *аузынан мэйеги арылмаган* (букв.: сычужина еще во рту) [КРФС, 1988. С. 33].

Оценка молодости и неопытности в тюркских языках Южной Сибири, в отличие от якутского языка, происходит с участием и других соматизмов, таких как *арка* ~ *арга* ‘спина’ в алтайском, хакасском языках; *мойын* ‘шея’, *пил* ‘поясница’, *оорха-сёёк* ‘позвоночник’ в хакасском языке, *баиш* ‘голова’, *балдыр* ‘икра (ноги)’ в тувинском языке: алт. *аркасыны тыныбаган* (букв.: спина стан его не окрепли) [Тюнтешева, 2006. С. 65]; хак. *арга-мойын тымбаан* (букв.: спина-шея не затвердела) [Боргоякова, 1996. С. 23]; хак. *пилі хатхалах / холы тыыгалах* (букв.: поясница его еще не затвердела, руки его еще не окрепли) [Тюнтешева, 2006. С. 65]; хак. *оорха-сёёги тыыгалах* (букв.: позвоночник не окрепший); тув. *бажы катпаан* (букв.: голова его еще не затвердела) [Тюнтешева, 2006. С. 43]; тув. *балдыры катпаан* (букв.: икра (ноги) его еще не затвердела).

В отличие от тюркских языков, в якутском языке молодость и неопытность передаются через фразеологический образ лица с соплей в носу, также через ассоциативный образ человека, у которого сопли в носу еще не высохли: *сыындын соспут* (букв.: сопли распустил); *муннун сыына куура илик* (букв.: у него сопли в носу еще не обсохли) [БТСЯЯ, 2012. С. 521].

В рассматриваемых тюркских языках фразеологической номинацией пожилого возраста охвачен процесс постепенного ослабления деятельности всего организма человека. В первую очередь, у состарившегося человека седеют волосы, что представлено в следующих тюркских фразеологизмах: як. *араҕас баттахтаах* (букв.: седовласый), *араҕастыйбыт баттахтаах аар тойон аҕам* (букв.: с пожелтевшими волосами почтенный мой отец) [Габышева, 2009. С. 55]; хак. *ах саар нас* (букв.: седая голова); тув. *бажы агара берген* (букв.: голова его поседела) [ТРС, 2008. С. 35].

Якутское прилагательное *араҕас* ‘светло-желтый’ (< *араҕастый* ‘сесть до желтизны’), как и пратюркская основа **saryu* (~ *sary*), претерпевает метафоризацию значения: ‘желтый’, ‘бледный’ → ‘старый’, ‘умудренный жизнью’ [Габышева, 2009. С. 56].

В тюркском обществе, как и в других социумах, к человеку, дожившему до мудрой старости, люди молодого и среднего возраста всегда относятся с особым почтением. Старейшин в обществе называют: др. тюрк. *qari baş* (букв.: старая голова) [ДТС, 1969. С. 426]; як. *баста-*

ахтар (букв.: имеющий голову) [Пекарский, 1958. Стб. 394], тем самым подчеркивается их особый статус, главенствующая роль в семейном и родовом кругу.

В якутской фразеологии фиксируется оценочная характеристика физиологического изменения человека в связи с достижением пожилого возраста, человек начинает худеть, сохнуть от старости: *этин сүүйтэрбит* (букв.: терять тело) [Нелунов, 2002. С. 408]; у старого человека ослабевают ум, рассудок: *этэрбэһин охсуһуннарар* (букв.: ударяет торбазами) [Нелунов, 2002. С. 265]; ослабевают кровообращение: *хаана кэхтибит* (букв.: кровь его пошла вспять) [Пекарский, 1958. Стб. 1006]; выпадают зубы: *хорук тиһэ хоойнугар тохтон эрэр* (букв.: его белые как сарана зубы начинают осыпаться ему за пазуху) [Пекарский, 1958. Стб. 2701]. Из подобных опорных компонентов ФЕ интерес вызывает *этэрбэс* ‘всякая верхняя обувь, мужская и женская, зимняя и летняя’, который сравним с тюркским *этик* в том же значении [Пекарский, 1958. Стб. 315].

В отличие от якутского языка, в рассматриваемых нами тюркских языках фразеологическая номинация старца, почтенного человека происходит с участием соматических лексем *saqal* ‘борода’, *soғum* ‘мясо’, *сөк* ‘кости’, *көз* ‘глаз’: др. тюрк. *aq saqal (er)* (букв.: белая борода) [ДТС, 1969. С. 48]; алт. *карган соғум* (букв.: старое мясо) [Чумакаев, 2005. С. 129]; хак. *кири сөккөр* (букв.: старые кости) [ХРС, 2006. С. 505]; каз. *көне көз* (букв.: старый глаз) [КРФС, 1988. С. 107].

В фразеологическом фонде якутского языка сохранилась также устойчивая номинация пожилого мудрого всезнающего человека, обладающего талантом красноречивого рассказчика: *сээркээн сэхэн* (букв.: красноречивый говорун) [БТСЯЯ, 2012. С. 607]. Якутская лексема *сэхэн* ‘мыслитель, мудрец’ имеет тюрко-монгольские аналогии: тюрк. *чэчэн, чечен, шешен* ‘красноречивый; сказитель, народный певец; мудрец’, монг. *цэцэн* ‘мудрый, умный; мудрец’ [БТСЯЯ, 2012. С. 608]. Несомненно, ФЕ *сээркээн сэхэн* (букв.: красноречивый говорун) в фразеологический оборот взята из якутской мифологии, согласно которой *сээркээн сэхэн* – всезнающий старик, таежный мудрец, знаток дорог. Как отметил И. В. Пухов: «Образ уникальный, созданный таежным народом. Его изображают совсем маленьким («с наперсток»), высохшим старцем: тело его ушло в мудрость. Но этот высохший старец может оказаться сильнее любого сильнейшего богатыря. Его все боятся и уважают» [Пухов, 2016. С. 15].

В якутском, турецком, казахском языках обнаруживается общая семантика при характеристике прожившего большую часть жизни, болезненного пожилого человека, доживающего свой век: як. *үтүгэнэ күөрэйбит* (букв.: худое его сплыло) [Нелунов, 2002. С. 303]; як. *өнкөөтүн өнөйбүт* (букв.: смотреть в могильную яму) [Нелунов, 2002. С. 71]; тур. *iki ayağı çukurda* (букв.: обе ноги в могиле) [БТРС, 2006. С. 79]; тур. *gözü toprağa bakmak* (букв.: смотреть (глазами) в могилу (в землю)) [БТРС, 2006. С. 357]; каз. *бір аяғы жерде, бір аяғы қорде* (букв.: одной ногой на земле, а другой – в могиле) [КРФС, 1988. С. 56]. Так, в турецком и казахском языках опорными компонентами выступают соматизмы *ayak* ~ *аяк* ‘ноги’ и *göz* ‘глаз’, а в якутском языке используются специфичные лексемы вторичного значения *үтүгэн* ‘худое’ и *өнкөөт* ‘могильная яма’. Первичное значение якутского слова *үтүгэн* ‘Нижний мир, где обитают злые духи, преисподняя’, которое сравнивается с др.-тюрк., тюрк. *Ötüken* ‘место обитания тюрков в северной Монголии’ [БТСЯЯ, 2015. С. 563], а этимология якутского слова *өнкөөт* ‘могильная яма’ еще не установлена.

В якутской фразеологии обнаруживается специфичная фразеологическая номинация пожилого умирающего человека, которая хранит в себе мифологические представления наивной картины мира этноязыкового коллектива: *күлүгэ хараарбыт* (букв.: тень его почернела) [Григорьев, 1947. С. 48], в основании которой лежит представление о том, что, «вероятно, к тени

умирающего присоединялась тень злого духа, проникшего в его тело, что предполагало изменение состояния и качества человека» [Бравина, 2005. С. 44].

Человека, находящегося при смерти, якуты номинируют устойчивым сочетанием *тыына кылгаабыт* (букв.: у него укоротилось дыхание) [ЯРС, 1988. С. 56], в котором дыхание человека «понималось как наиболее явный и важный признак жизненного процесса, которое мыслилось подобно нити, связующей его с истоком жизненной энергии, сосредоточием которой представлялись светлые божества айыы» [Бравина, 2005. С. 156].

Также о человеке пожилого возраста обычно говорили *күнэ арбаалаабыт* (букв.: солнце (его) склонилось к западу) [Бравина, 2005. С. 205]. В ассоциативно-образном основании ФЕ лежит идея о том, что источник жизни, света – солнце, постепенно закатываясь на запад, интуитивно воспринимается как конец, окончание цикла жизни человека. Согласно религиозным воззрениям якутов, в западной стороне света находится загробный Нижний мир, куда отправляются души умерших [Алексеев, 2005. С. 121]. Якутская лексема *арбаа* сравнивается с тюрк. арка ‘спина’.

В тюркском мировоззрении *qış* ‘зима, зимний период года’ ассоциируется с порой старости и увядания [ДТС, 1969. С. 448], что отражено в устойчивом выражении *qatıy bardı andın başı boltı qış* ‘у того ушла крепость, и голова его стала зимою (т. е. поседела)’ [ДТС, 1969. С. 433]. Семантически близкая номинация ‘доживать до глубокой старости’ наблюдается и в якутском языке: *үгүс ардабы, хаары үрдүгэр түһэрбит кырдыаҕас* (букв.: старец, раставший на плечах обильный дождь и снег) [БТСЯЯ, 2014. С. 307].

Как известно, жизненный опыт приходит к человеку не с годами, а определяется обилием прожитых и глубиной пережитых ситуаций. В тюркском фразообразовании при номинации человека, претерпевшего жизненные невзгоды, опытного, матерого, участвуют различные соматические компоненты:

- *баи ~ нас ~ баş* ‘голова’ в тувинском, хакасском, турецком языках: тув. *сөөк баиштыг* – букв. с костлявой головой [ТРС, 2008.С.98]; хака. *хара пазы хатхан* – букв. черная голова его затвердела; тур. *başı taşı değdi* – букв. его голова задела камень [БТРС, 2006. С.99].

- *кулгаах* ‘уши’, *харах-көз* ‘глаза’ в якутском и казахском языках: як. *кулгааҕа-хараҕа кэнгээбит киһи* – букв. человек, у которого расширенные уши-глаза [Кулаковский, 1979. С.137]; каз. *көзі қанық* – кто-либо сведущ, опытен в чем-л. [КРФС, 1988. С.103].

- *тіс* ‘зубы’ в хакасском и казахском языках: хака. *хасха тізі саргалған* – букв. белые зубы его пожелтели; каз. *тіс қаққан* – букв. выбивший зуб [КРФС, 1988. С.184].

- *el* ‘руки’ и *ağız* ‘рот’ в турецком языке: *eli yordamlı* – букв. его рука опытная [БТРС, 2006.С.267], *ağız uanık* – букв. его рот обожженный [БТРС, 2006.С.31].

- *быар* ‘печень’, *дүүлэй (дьюлай)* ‘темя’, *мурун* ‘нос’ в якутском языке: *быара хангаабыт, дүүлэйэ (дьюлай) бүппүт киһи* – букв. человек с заросшей печенью и теменем [Пекарский, 1958. Стб. 3310]; *мунна тыллыбыт киһи* – букв. человек с поротыми ноздрями [БТСЯЯ, 2012. С.364]. Якутский соматизм *дьюлай* параллелен п.-монг. *дьюлай* в том же значении [ТСЯЯ, 2006. С.437].

В якутской фразеологии оценка опытного, бывалого человека устанавливается с участием компонентов, не встречающихся в составе ФЕ рассматриваемых тюркских языков. Это сравнение с животными *ыт* ‘собака’ и *бөрө* ‘волк’ – *кырдыаҕас ыт (бөрө)* – букв. старый пёс (волк) [БТСЯЯ, 2008. С. 326]. Организация ФЕ с помощью слов-компонентов материальной и традиционной культуры якутов *хаарбах* ‘большой железный котёл’, *мунха* ‘невод’: *хаарбахха хаарылыбыт киһи* – букв. человек, сварившийся в котле; [Кулаковский, 1979.С.195]; *мунхатын хараҕа кэнгээбит киһи* – букв. человек, у которого расширена чека невода [Кулаковский, 1979. С. 149], также и с помощью компонента названия древесного растения се-

мейства ивовых *талах* 'ива': *иэмэх талахтыы эриллибит* – закалился, стал выносливым, готовым к трудностям жизни, букв. закалился как легкогнувшаяся ива [БТСЯЯ, 2013. С. 170]. Все используемые в составе ФЕ компоненты – тюркского происхождения, кроме лексемы *мунха* 'большая рыболовная сеть, невод для коллективного рыболовства', которая имеет прямую параллель с эвенкийским *мунгка* 'невод' [БТСЯЯ, 2009. С. 354].

Таким образом, рассмотренный фразеологический материал якутского и тюркских языков Южной Сибири (алтайского, хакасского, тувинского), казахского и турецкого языков проявляет следующие общие моменты.

В фразеологической номинации детского возраста выявляются якутско-хакасские фразеологические параллели в оценке младенца и в характеристике шустрого, непослушного ребёнка. Устанавливаются общие корни в устойчивом назывании родного сына с использованием лексемы компонента *börü / бөрө* в древнетюркском и якутском языках.

В фразеологической номинации периода взросления, возмужания, достижения зрелости человека выявляются якутско-алтайско-хакасские, якутско-тувинские фразеологические параллели с участием соматических компонентов *эт ~ эът* 'тело', *хол ~ кол* 'руки'. Почти во всех рассматриваемых языках обнаруживаются схожие ассоциативные образы рта / губ, у которого молоко / молочиво не высохло / не очистилось, при характеристике молодого человека, неопытного, недостаточно окрепшего в физическом и духовном плане.

В фразеологической номинации пожилого возраста выявляется общая семантика в якутском, тувинском, хакасском языках, основанная на фразеологическом образе седеющих волос/ головы. В якутском, турецком и казахском языках обнаруживается общая семантика в характеристике болезненного, старого человека, отживающего свой век, однако фразеологизация происходит с набором отдельных опорных компонентов. В древнетюркском и якутском языках старейшин номинируют с помощью соматизма *бас ~ baş*, а пожилой возраст человека ассоциируется с зимним периодом года. В фразеологической номинации жизненного опыта обнаруживается якутско-казахская параллель с участием соматизма *харах~көз* 'глаза'.

Не имеющие аналогии в якутском языке фразеологические параллели в тюркских языках Южной Сибири, турецком и казахском языках, свидетельствует о том, что данные тюркские фразеологизмы возникли после отделения якутской ветви от основного пратюркского ядра тюркских языков.

А национально-специфические фразеологизмы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе его развития в условиях неkontakта с последними.

В целом входящие в состав якутских фразеологизмов опорные слова-компоненты в подавляющем большинстве имеют тюркское происхождение, а наличие определенного количества монголизмов и параллелей в тунгусо-маньчжурских языках свидетельствует о том, что данные лексемы в якутском языке возникли вследствие взаимных контактов и взаимодействия.

Список литературы / References

- Алексеев Н. А.** Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
Alekseev N. A. Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri [Ethnography and Folklore of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 494 p. (in Russ.)
- Анисимов Р. Н.** Фразеологические параллели якутского и тюркских языков Южной Сибири (на примере соматических фразеологизмов качественно-оценочной характеристики человека) // Түркология. Туркестан, 2013. №1. С.11–18.

- Anisimov R. N.** Frazеologicheskie paralleli yakutskogo i tyurskikh yazykov Yuzhnoj Sibiri (na primere somaticheskikh frazeologizmov kachestvenno-otsenочноj kharakteristiki cheloveka) [Phraseological Parallels in Yakut and Turkic Languages of South Siberia (On Example of Somatic Phraseological Units of Qualitative-Evaluative Characteristics of a Person)]. *Tyurkologiya [Turcology]*. Turkestan, 2013, № 1, p. 11–18. (in Russ.)
- БТРС** – Большой турецко-русский словарь / сост. Баскаков А. Н. и др. 3-е изд. М.: Живой язык, 2006. 960 с.
Bol'shoi turetsko-russkii slovar' [Big Turkish-Russian Dictionary]. Comp. by Baskakov A. N. et al. 3rd ed. Moscow, Zhivoi yazyk Publ., 2006, 960 p. (in Russ.)
- БТСЯЯ** – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5: К. 616 с.; 2009. Т.6.: Л, М, Н. 519 с.; 2010. Т.7: Нь, О, Ө, П. 519 с.; 2011. Т.8: С сөллөбөр. 572 с.; 2012. Т.9: С – сөллөй – сээн, Н. 630 с.; 2013. Т. 10: Т: т – төһүүлээ. 575 с.; 2014. Т. 11.: Т – төтөллөөх – тээтэннээ. 528 с.; 2015. Т. 12: У, Ү. 598 с.; 2016. Т. 13: Х. 639 с.
Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Big Yakut Explanatory Dictionary: In 15 vol.] P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka Publ., 2008, vol. 5: K. 616 p.; 2009, vol.6: L, M, N. 519 p.; 2010, vol.7: N', O, Ө, P. 519 p.; 2011, vol.8: S sөллөбөр. 572 p.; 2012, vol.9: S (sөллөй – seen), H. 630 p.; 2013, vol. 10: T: (t – төһүүлээh). 575 p.; 2014, vol. 11.: (T – төтөллөөkh – teetennее). 528 s.; 2015, vol. 12: U, Y. 598 p. 2016, vol. 13: KH. 639 p. (in Russ.)
- Базен Л.** Концепция возраста у древних тюркских народов (Пер. с фр. Д. Д. и Е. А. Васильевых) // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.: Наука, 1986. С. 361–379.
Bazen L. Kontsepsiya vozrasta u drevnikh tyurkskikh narodov [Ancient Turkic Concept of Age]. Zarubezhnaya tyurkologiya [Foreign Turkology]. Iss. I. Moscow, Nauka Publ., 1986, p. 361–379. (in Russ.)
- Боргоякова Т. Г.** Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144 с.
Borgoyakova T. G. Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar' [Concise Khakas-Russian Phraseological Dictionary]. Abakan, KHSU of N. F. Katanov Publ., 1996, 144 p. (in Russ.)
- Бравина Р. И.** Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
Bravina R. I. Konceptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: Na materiale tradicii saha [Concept of Life and Death in Ethnic Culture: On Materials of Sakha Traditions]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 307 p. (in Russ.)
- Бутанаев В. Я.** Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 93–105.
Butanaev V. Ya. Kul't bogini Umai u khakasov [Khakas Cult of Goddess Umai]. Etnografiya narodov Sibiri [Ethnography of Siberian Peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, p. 93–105. (in Russ.)
- Бутанаев В. Я.** Саяно-алтайская языковая общность // Материалы Международной научной конференции «Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации». Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. С. 32–46.
Butanaev V. Ya. Sayano-altaiskaya yazykovaya obshhnost' [Sayan-Altai Language Commonality]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Etnokul'turnye vzaimodeistviya v Evrazii: prostranstvennye i istoricheskie konfiguratsii» [Materials of International Scientific Conference “Ethnocultural Interaction in Eurasia: Spatial and Historical Configurations”]. Barnaul, 2012, p. 32–46. (in Russ.)
- Габышева Л. Л.** Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов. Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38. М.: РГГУ, 2003. 192 с.
Gabysheva L. L. Slovo v kontekste mifopoehticheskoi kartiny mira (na materiale yazyka i kul'tury yakutov [The Word in the Context of the Mythopoetic Picture of the World (On the Basis of Yakut Language and Culture)]. *Chteniya po istorii i teorii kul'tury [Readings on the History and Theory of Culture]*. Iss. 38. Moscow, 2003, 192 p. (in Russ.)
- Габышева Л. Л.** Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
Gabysheva L. L. Fol'klorny tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoi pamyati [Folklore Text: Semiotic Mechanisms of Oral Memory]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 143 p. (in Russ.)
- Готовцева Л. М., Андреева А. В.** Лингвокультурологический анализ ФЕ, обозначающих понятие возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы Междуна-

- родной научной конференции «Россия – Германия: историко-культурные контакты». Якутск, 2006. С. 258–270.
- Gotovtseva L. M., Andreeva A. V.** Lingvokulturologicheskii analiz FE, oboznachayushhikh ponyatie “vozrast cheloveka” (na materiale nemetskogo i yakutskogo yazykov) [Linguoculturological Analysis of Phraseological Units Denoting the Concept of the Age of a Person (On the Material of German and Yakut Languages)]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rossiya – Germaniya: istoriko-kul'turnye kontakty» [Materials of the International Scientific Conference “Russia–Germany: Historical and Cultural Contacts”]. Yakutsk, 2006, p. 258–270. (in Russ.)
- Добровольский Д. О., Малыгин В. Т., Коканина Л. Б.** Сопоставительная фразеология: (на материале германских языков): курс лекций. – Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского. Владимир: ВГПИ, 1990. 79 с.
- Dobrovolskii D. O., Malygin V. T., Kokanina L. B.** Sopostavitel'naya frazeologiya: (na materiale germanskikh yazykov): kurs lektzii [Comparative Phraseology: (On the Material of Germanic Languages): a Course of Lectures]. Vladimir, VSPI Publ., 1990, 79 p. (in Russ.)
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака.** Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic Dictionary].** Ed. by Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 676 p. (in Russ.)
- КРФС – Казахско-русский фразеологический словарь / Сост.: К. Х. Кожаметова, Р. Е. Жайсакова, К. Х. Кожаметова.** Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.
- Kazakhsko-russkii frazeologicheskii slovar' [Kazakh-Russian Phraseological Dictionary].** Alma-Ata, Mektep, 1988, 224 p. (in Russ.)
- Кулаковский А. Е.** Научные труды. [Подготовили к печати: Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов]. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Kulakovskii A. E.** Nauchnye trudy [Academic Works]. Yakutsk, 1979, 484 p. (in Russ.)
- Лиханов В. И.** Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1994. 130 с.
- Likhanov V. I.** Emotsional'no-otsenochnye i ehkspressivnye slova v yakutskom yazyke [Emotional-Evaluative and Expressive Words in the Yakut Language]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994, 130 p. (in Russ.)
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. Новосибирск, 2002. Т. 1. 287 с. Т. 2. 420 с.
- Nelunov A. G.** Yakutsko-russkii frazeologicheskii slovar' [Yakut-Russian Phraseological Dictionary]. Novosibirsk, 2002, vol. 1. 287 p.; vol. 2, 420 p. (in Russ.)
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. I. 1280 с.; 1959. Т. II. 2508 с.; 1959. Т. III. 3858 с.
- Pekarskii E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Dictionary], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, vol. I, 1280 p; 1959, vol. II, 2508 p.; 1959, vol. III, 3858 p. (in Russ.)
- Потапов Л. П.** Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М.: Наука, 1973. С. 265–286.
- Potapov L. P.** Umai – bozhestvo drevnikh tyurkov v svete ehtnograficheskikh dannykh [Umai, the Ancient Turkic Deity, in the Light of Ethnographic Data]. *Tyurkologicheskii sbornik [Turkological Anthology]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, p. 265–286. (in Russ.)
- Пухов И. В.** Олонхо – древний эпос якутов. 2-е изд., стер. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 48 с.
- Pukhov I. V.** Olonkho – drevnii epos yakutov [Olonkho, the Ancient Yakut Epic]. Yakutsk: SVFU Publ., 2016, 48 p. (in Russ.)
- Ройзензон Л. И., Ройзензон С. И.** Некоторые соображения о сравнительном изучении фразеологии (на материале устойчивых компаративных оборотов восточных языков) // Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. Самаркандский государственный университет А. Навои. Ташкент, 1967. С. 110–114.
- Roizenzon L. I., Roizenzon S. I.** Nekotorye soobrazheniya o sravnitel'nom izuchenii frazeologii (na materiale ustoi-chivnykh komparativnykh oborotov vostochnykh yazykov) [Some Consideration about Comparative Phraseology Studies (On the Basis of Eastern Comparative Expressions)]. *Voprosy frazeologii i grammaticheskogo stroya yazykov [Issues*

- of Phraseology and Grammatical Language Systems]. Tashkent, A. Navoi Samarkand State University Publ., 1967, p. 110–114. (in Russ.)
- СИГТЯ**, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Lexis]. 2nd ed., ext. Moscow, Nauka Publ., 2001, 822 p. (in Russ.)
- СИГТЯ**, 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные конструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye konstruktssii [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Regional Constructions]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ., 2002, 767 p. (in Russ.)
- СИГТЯ**, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006 с. 908 с.
Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Pre-Turkic Protolanguage. Pre-Turkic Ethnic World View According to Linguistic Data]. Ed. by E. R. Tenishev, A. V. Dybo. Moscow, Nauka Publ., 2006, 908 p. (in Russ.)
- ТРС** – Тувинско-русский словарь / Сост. Э. Р. Тенишев. М: Самиздат, 2008. 338 с.
Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Comp. by E. R. Tenishev. Moscow, Samizdat Publ., 2008, 338 p. (in Russ.)
- ТСЯЯ** – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. 2: Б. 912 с.; 2006. Т. 3: Г, Д, Дь, И. 844 с.
Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Explanatory Dictionary]. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, vol. 2: B, 912 p.; 2006, vol. 3: G, D, D', I, 844 p. (in Russ.)
- Чумакаев А. Э.** Алтайско-русский фразеологический словарь. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2005. 312 с.
Chumakaev A. E. Altaisko-russkii frazeologicheskii slovar' [Altai-Russian Phraseological Dictionary]. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Institute of Altaistics Publ., 2005, 312 p. (in Russ.)
- ХРС** – Хакасско-русский словарь / Под ред. Субраковой О. В. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
Khakassko-russkii slovar' [Khakas-Russian Dictionary]. Comp. by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1115 p. (in Russ.)
- ЯРС** – Якутско-русский словарь. М.: Сов. энцикл. 1972. 605 с.
Yakutsko-russkii slovar' [Yakut-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1972, 605 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
30.08.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Анисимов Руслан Николаевич, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000, Россия, teployakutia@mail.ru)
Ruslan N. Anisimov, Ammosov North-East Federal University (42 Kulakovsky Str., Yakutsk, 677000, Russian Federation, teployakutia@mail.ru)